

1
Государственная
ордена Ленина
Библиотека
СССР
В. И. Ленин

МУРЗИЛКА

№ 8

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ

АВГУСТ
1948

ДОБРЫЙ ЧАС

С вечера шёл дождик. Надя, засыпая, слушала, как он стучит в стены, в ставни, в крышу, и думала: «Нет, не позволят надеть завтра новые сапожки!.. Дождик, дождик, перестань, мы поедem в Аристань!..»

И дождик послушался.

Назавтра, когда Надя проснулась, ставни и окна были раскрыты настежь. Под навесом стояла кадка. С крыши стекало и капало, а на дворе хлопотала бабушка в платке, повязанном крест-накрест, и в больших калошах с резиновыми ушками. Бабушка тяжело ступала своими калошами по мокрому песку, подкладывала в плиту камыш и долго дула на него, чтобы разго-

релся. Из трубы клочками вылетал тёмный дым и пропадал в синем небе. Солнце блестело в лужах, в стёклах, в кадушке, а огонь в топке казался белым и чуть видимым — так светло было кругом.

Надя отошла от окошка и вдруг увидела: стоят на стуле, завёрнутые в красный платок, новые сапожки... А на маминой кровати лежит, растопырив жёсткие рукава, голубое вышитое платье...

Надя зашлёпала босыми пятками по намытому полу и, чуть дыша, посалывая, приседая, ужом пролезла в узкий вырез нового платья. Надела сапожки, притопнула и крепко перевязала бантиком чёрные шнурки с металлическими кончиками.

Платье шуршало. Сапожки немного жали. Неловко, а хорошо...

В это время, сбросив в сенях калоши, в комнату вошла бабушка. Она бережно несла на дощечке свежие лепёшки.

— На-кось! Одедась! — сказала она. — Умойся-ка чередом...

Надя вышла в сени и быстро умылась.

— Вот и хорошо, — успокоилась бабушка, запледа Наде косы, сказала: — Ну, в добрый час, внучка!..

И Надя вышла на крыльцо.

Она толкнула влажную от ночного дождя калитку и пошла по хорошо знакомой улице.

Ветер раздувал голубое платье. Новые сапожки легко поскрипывали...

Было ещё совсем рано.

На забор, хлопая крыльями, взлетел петух и чисто, звонко закричал на всю улицу.

«Бабки Васильевны петух, — подумала Надя. — Развеселился на солнышке!»

Вдали, на берегу лимана сушились рыболовные снасти. Они висели вдоль всего берега на колышках. Лежала на гальке опрокинутая лодка с просмоленным днищем. Под ясным, тёплым солнцем поблёскивали камышовые крыши. Валил в небо дым из труб.

Наконец стал виден и дым над трубой детского сада. Все ребята издали узнавали

эту трубу, — она была белая с красной каёмкой. Надя побежала бегом.

Она прихватила рукой подол своего нового платья и пролезла между прутьями в плетне.

Посреди двора стояла в белом, наглаженном до блеска халате Ксения Дмитриевна — заведующая детским садом. В окно выглядывала кухарка, тётя Настя. То и дело выбегали на улицу малыши. Их зазывали обратно в дом, говорили: «Да не вертитесь вы под ногами», а они толпились в сенях, выглядывая из-за плеча друг друга, и старались рассмотреть, что делается во дворе.

Только старшие ребята стояли толпой вокруг Ксении Дмитриевны. Она одёргивала девочкам платица, завязывала потуже ленты в косах, говорила: «Не горбись, не горбись, Маша Тарасюк, нехорошо, когда девочка горбится!..» И вдруг увидела Надю.

— А, это Надя Омельченко пришла? — сказала Ксения Дмитриевна. — Подойди, подойди сюда, покажись.

Надя показала: растопырила руки и повернулась направо и налево.

— Одобряю, — сказала Ксения Дмитриевна.

Красные, голубые, розовые платица и белые рубашки мальчиков блестели на солнце. Все были такие нарядные, обутые, хоть и босиком ещё можно бегать — теплень.

Но вот дверь дома скрипнула. В щель просунулся край огромной корзины, набитой клевером, «львиным зевом» и жёлтой ромашкой. Потом дверь отворилась настежь, и все ребята увидели, что корзину несёт, обхватив маленькими морщинистыми руками, Надежда Ивановна, руководительница старшей группы.

— Ну, ребята, стройтесь, стройтесь! — сказала Надежда Ивановна, оглядев ребят, и, осторожно сойдя с крылечка, поставила корзину на скамейку.

Тут только все увидели, какая она сегодня нарядная. На ней было шерстяное синее платье, с воротничком, а на плечах турецкая шаль с кисточками.

— Стройтесь, стройтесь, ребята! — повторила Надежда Ивановна

Ребята построились.

— Так! Теперь берите букеты... Первая пара, подходи!

В первой паре стояли Саня и Ивашок. Они подошли и взяли себе по букету.

Потом взяла букеты вторая пара.

Потом третья пара — Надя и Муза.

Музе достался букет из розовой кашки, а Наде — пучок поздних, неярких васильков.

— Ты у нас сегодня вся голубая, — сказала Надежда Ивановна. — Вот и букет тебе голубой.

Надя бережно взяла из её протянутых рук свой букет.

И вот корзина опустела...

Заведующая Ксения Дмитриевна вошла в дом и вынесла оттуда ещё один букет.

— Какой красивый! — шепнула Муза.

И правда, у ребят цветы были хоть и хорошие, да простенькие, полевые, а этот букет был весь из крупных садовых маков. Нежно смятые, чуть державшиеся в своих гнёздышках лепестки сидели, как бабочки, на круглых матово-серебристых головках.

— Ну, в добрый час, дети, — сказала заведующая.

— Час добрый! — крикнула из окошка кухарка, тётя Настя.

Свежий ветер с лимана трепал девочкам косы, раздувал их платица. Впереди с красным, как огонь, букетом в руках, пышно причёсанная, седая, в развевающейся по ветру турецкой шали, шла Надежда Ивановна. За ней парами шли все ребята.

Бросили на берегу работу рыбаки. Смотрели, повернув головы, на пёструю цветочную грядку, что двигалась вдоль Переправы. Вышел из конторы председатель рыболовецкого колхоза, погладил длинные казачьи усы, сказал: «В добрый час!» и помахал рукою.

— В добрый час! Учиться вам да расти! — вздохнула Перфильевна, работница рыбозавода, да так и застыла с кадкой из-под рыбы, которую выкатила на улицу.

На солнце блистали от соли и рыбьей чешуи её голые по локоть, сильные руки... Выбежала на улицу продавщица из хлебопекарни, остановилась, прикрыла от солнца глаза... Долго-долго смотрела вслед.

Ребята шагали дружно.

— Пойте, ребята, — сказала Надежда

Ивановна и сама затила тонким дрожащим голосом:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

Ребята подхватили:

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

В окнах поднимались занавески. Из-под белых оборок смотрели вслед ребятам деду-си да бабуси.

Из подворотен, узнав своих маленьких хозяев, одна за другой выбегали дворовые собаки — всякие Тявки, Шавки и Жучки. Высунув язык и виляя хвостом, они долго бежали следом, провожая своих друзей.

Наконец показалась крыша школы. Хороша была школа! Большая, белая. Чуть ли не лучшее строение на весь колхоз. Красная, похожая на чешую черепица крыши вся горела в солнечных лучах. Ярко зеленел свежеекрашенный забор. Далеко у моря, на пригорке, виднелся остов старой школы, которую сожгли немцы, когда «тикали» с Переправы. И та школа была когда-то хороша, но эта, новая, была ещё лучше, выше, просторнее. Окна в ней были шире, стены белее и даже труба как будто потолще.

А рядом с новой трубой, как и раньше на старой школе, жил аист. Стоял в гнезде на длинной ноге и глядел вниз, на проходящих людей. Глаза у аиста были круглые, с белыми веками. Может, это был тот самый аист со старой школы?..

Ребята из детского сада уже не раз видели новую школу, но сегодня она показалась им особенной.

На чисто выметенной площадке перед домом стоял стол. На столе, в синем кувшине с выгнутой ручкой так и сиял огромный букет — ещё больше, чем у Надежды Ивановны. Солнце пронизывало красные, жёлтые, голубые, лиловые лепестки, сверкало на крутых боках кувшина, и по скатерти перебежали разноцветные пятна. Ребята остановились прямо перед столом. Открылась школьная дверь, и навстречу ребятам спустился во двор большой, широкоплечий человек в белой, шитой крестом рубахе.

— Директор, директор... — зашептали мальчики.

За ним осторожно, не поднимая глаз,

сошла по ступенькам молоденькая учительница первого класса, рослая, румяная девушка.

— Здравствуйте, ребята! — громко сказал директор. Он приветливо кивнул им бритой головой и уселся за стол.

— Ребята! — сказала молодая учительница. — Сегодня вы вливаетесь из детского сада в школу-десятилетку. Молодое счастливое племя...

У забора раздался шум. Сбежались с берега рыбаки. Молодые рыбачки стояли под деревьями, подперев руками подбородки. Люди заглядывали через головы друг друга. Матери расталкивали собравшихся и говорили:

— Да там же ж моя дытына!

Все смотрели на молодую учительницу. У неё были толстые русые косы, красиво уложенные венком, а плечи—широкие, сильные, как у настоящей казачки. Когда она заговорила, вышли из школы и стали в кружок учительницы всех классов. Муза тихонько толкнула Надю, и Надя увидела, что все они, как одна, красавицы писанные и что все они, как одна, в нарядных шёлковых платьях.

Учительница говорила долго. Хорошо говорила учительница. У неё был такой звонкий голос, что он раздавался на всю Переправу.

Только Надя не всё поняла. Те, кто стоял у забора, родители и бабки, — те, наверно, поняли. Они кивали головами, а когда учительница кончила, захлопали в ладоши. Ребята тоже захлопали, и Надя хлопала вместе со всеми. А Надежда Ивановна одёрнула шаль, вышла вперёд и подала молодой учительнице букет из красных маков. Та широко улыбнулась и крепко, изо всех сил потрясла Надежде Ивановне руку.

Отдав цветы, Надежда Ивановна повернулась, как будто хотела возвратиться к ребятам, но вдруг раздумала. Остановилась, легко кашлянула и сказала почти шопотом:

— Дети!..

Все ребята сразу обернулись к ней.

— Дети! — сказала погромче Надежда Ивановна. — Милые мои ребятки!.. Сегодня очень счастливый день. Вы стали школьниками. Даже когда вы состаритесь

и будете такими, как я, вы вспомните этот день. Вы ведь не забыли, как первый раз пришли в наш садик?

— Нет! — закричали ребята. — Мы не забыли! Мы помним!

— Вы были тогда совсем ещё маленькие. Многие даже и говорить-то как следует не умели... А теперь вы большие, почти что грамотные.

Надежда Ивановна повернулась к директору.

— Очень порядочно читают, — сказала она. — По складам, но без запинки. Способные, старательные ребята...

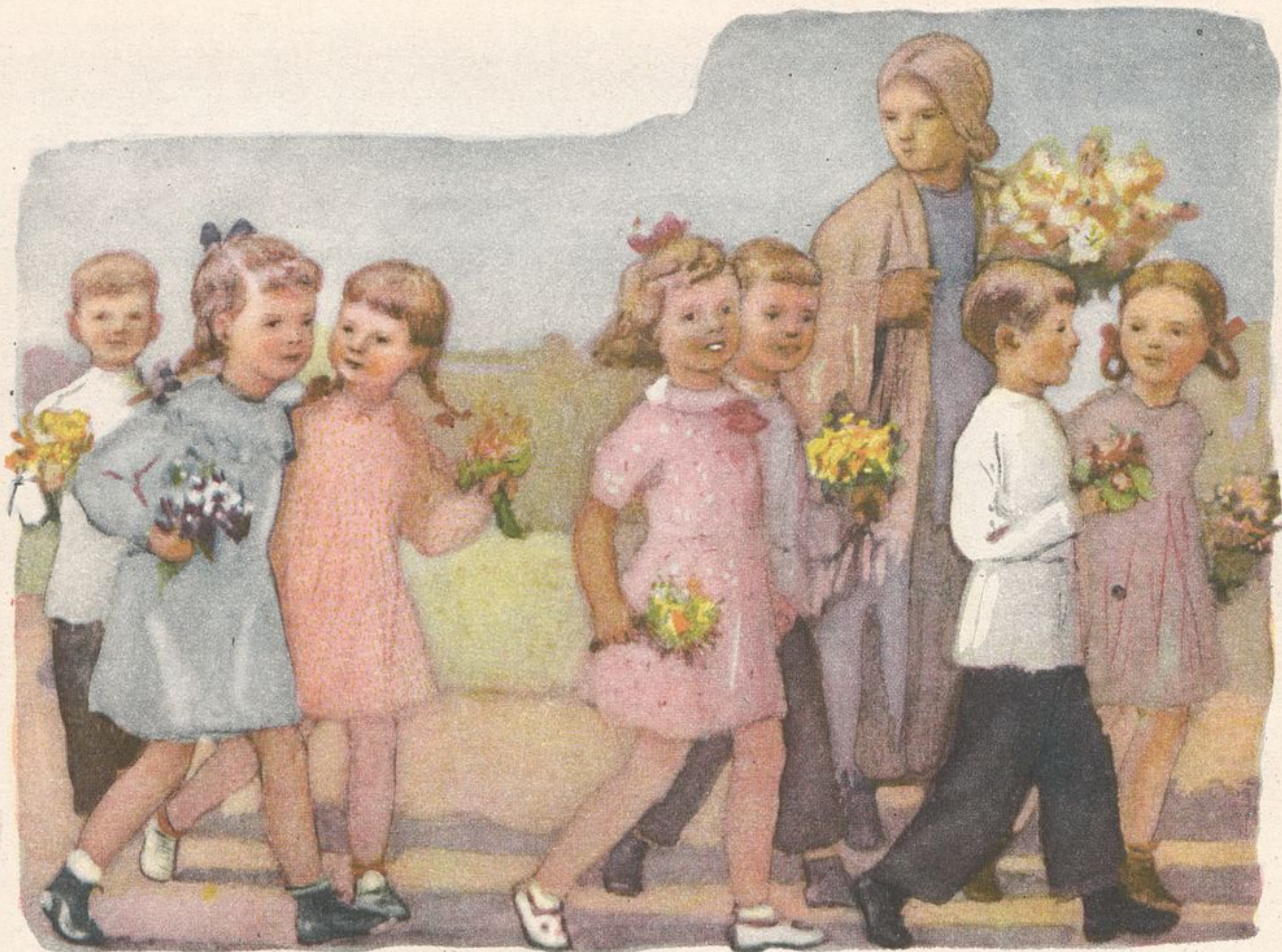
Снизу вверх, робко, как будто хотела о чём-то просить, она посмотрела на высокую молодую учительницу.

— Дорогие товарищи, школьные педагоги! — Голос Надежды Ивановны дрогнул и оборвался. — Дорогие товарищи, мне кажется, что это у вас будет хороший класс!.. У нас он был очень хороший... — Молодая учительница, видно, поверила: она закивала

головой, а Надежда Ивановна продолжала: — ...И вот сегодня мы расстаёмся, дети. Сегодня мы с вами в последний раз прошли вместе по нашей улице. Это очень, очень... хороший день... Я рада. Я очень рада... — Надежда Ивановна вынула свой платочек и приложила его к губам. — Растите, дети, вливайтесь в нашу большую жизнь, как речки и ручейки вливаются в море. Про это красиво и правильно сказала ваша учительница. Мой долг перед родиной, перед товарищем Сталиным воспитывать достойную смену. — Тут Надежда Ивановна стиснула свои маленькие сухие ручки и обернулась к ребятам: — Дети, не посрамите меня. Будьте хорошими школьниками. Растите честными, верными, стойкими, а сердце пусть у вас будет, как и теперь, доброе, справедливое, детское сердце...

— Ладно, — сказал Ивашок и шумно вздохнул.

— И ещё я вам вот что хочу сказать. Тут,

на этом самом месте, где построена ваша новая школа, когда-то стояли два барака. Это и была вся Переправа. Больше тут ничего не было: ни моторной станции, ни этих столбов с проводами, ни хлебопекарни, ни ваших хат, и дамбы не было...

— На острове жили! — сказал чей-то голос в толпе.

— Да, была наша Переправа островом. И жили мы тут на отшибе. Никто про нас не думал, никто не помнил. Я ведь и сама тут выросла, в одном из этих бараков. Стены были худые, щелястые... Чуть ветер — насквозь продувает...

— Ты про печку скажи! — крикнула вдруг от забора бабка Мирошниковская. — Все глаза бывало повыплачешь дувши.

— Попрошу, товарищи, соблюдать порядок, — вмешался директор школы. — Слово имеет руководительница детского сада.

— Руководительница детского сада... — медленно повторила Надежда Ивановна. — А ведь если б мне тогда сказали, что здесь будет детский садик для переправских ребят, да я просто бы не поверила! Какое там!.. — Надежда Ивановна засмеялась, вся затряслась от смеха, и стало видно, что она очень старенькая, очень маленькая и добрая. — Никто, никто не поверил бы, — сказала Надежда Ивановна. — Ну хоть ты, Лукьяныч. — Она кивнула стоявшему в толпе деду Антощенко. — Что бы ты, например, ответил, если б тебе сказали, что твой внук будет мотористом, а внучка учительницей в школе-десятилетке?

Тут Надежда Ивановна, видно, о чём-то вспомнила. Она посмотрела на молоденькую учительницу, потом на ребят. Губы у неё задрожали, на глаза навернулись слёзы.

— Так что... учитесь, ребята! — сказала она. — Растите!.. Трудитесь!.. Вливайтесь!..

Директор подвёл Надежду Ивановну к столу, поставил её на самое видное место и вынул букет из синего кувшина. Низко склонив свою большую голову с крутым лбом и мохнатыми бровями, он подал Надежде Ивановне букет. Букет был очень красивый, ещё лучше, чем тот — из маков. Директор отступил на шаг и сказал басом:

— Глубокоуважаемая Надежда Ивановна! Мы все, вся школа, принимаем ваш класс, как драгоценный подарок. Мы видим и чувствуем, сколько любви, сколько заботы положено вами на каждого такого маленького человека... Ваш беззаветный труд может служить для всех нас высоким примером. Катерина Антоновна, — он повернулся к молодой учительнице, — примите класс Надежды Ивановны.

— Ура-а! — закричали в толпе.

Все сейчас же захлопали, а ребята захлопали громче всех.

Надя смотрела на Надежду Ивановну и не могла понять, что она собирается: заплакать или засмеяться. Должно быть, она и плакала и смеялась вместе.

Тут все рыбаки и рыбачки стали подходить к Надежде Ивановне и говорить ей:

— Живи долго, Ивановна. Спасибо тебе за наших малышей.

Вдруг кто-то заиграл на скрипке, да до того быстро и красиво, что Наде показалось, будто весь воздух вокруг звенит и поёт: поёт букет в руках Надежды Ивановны, поют зелёные доски забора, красная черепица крыши, узловатые ветки старого явора и осенние, пожелтевшие травы.

Даже аист в своём гнезде услышал эту музыку. Он наклонил голову, вытянул клюв и, выкатив круглые неподвижные глаза, глядел вниз, на класс Надежды Ивановны.

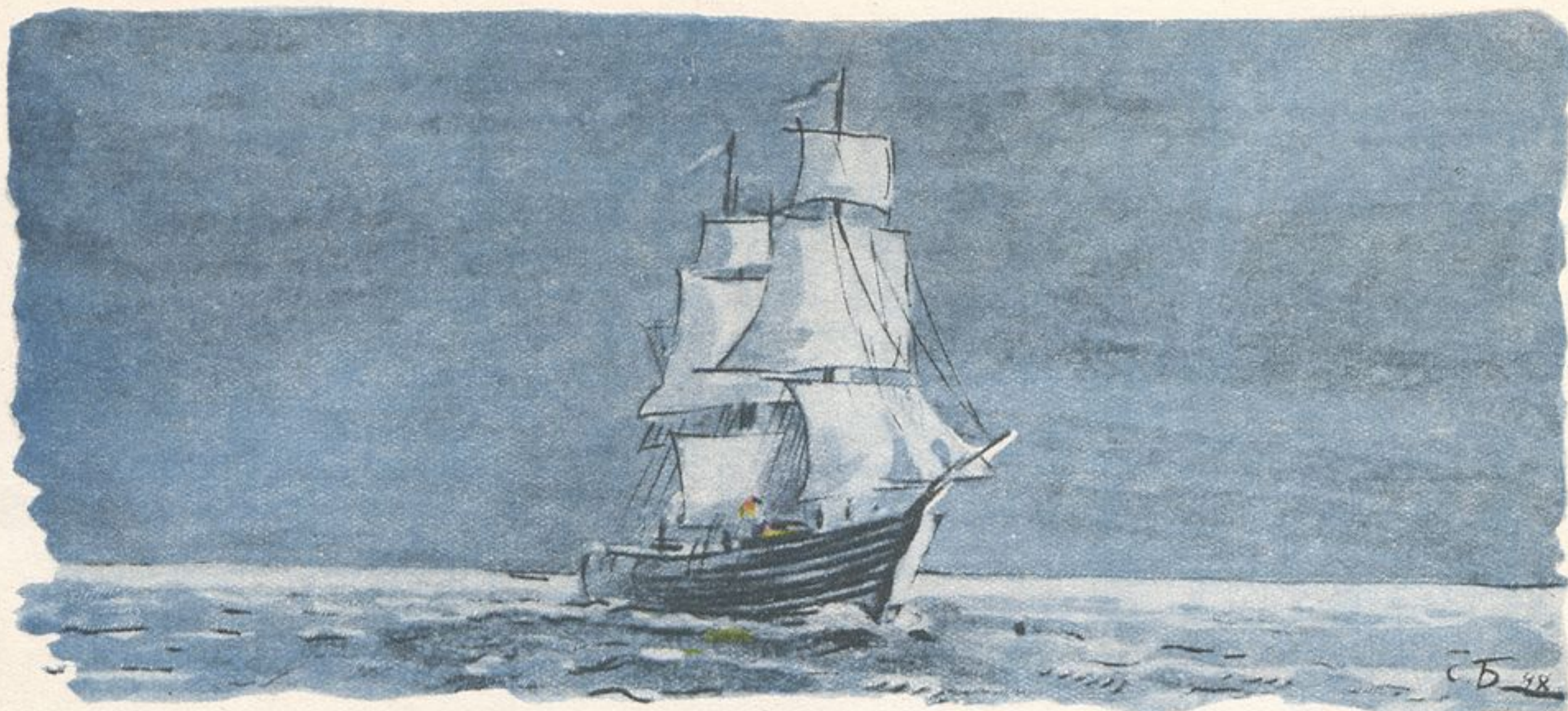
Первый день

Добро пожаловать! Пора!
Открыты настежь двери школы.
Сегодня с раннего утра
Похож на улей зал весёлый.

Вслед за ребятами в окно
Влетает золотая осень:
То лист, раскрашенный давно,
Высокий клён сюда забросит,
То вдруг в каком-нибудь окне
Блеснёт на солнце паутинка.
А солнце шарит по стене...
Скрипит кузнечик-невидимка...

На партах камешки руды,
Жуки, личинки в твёрдой коже.
И маленький стакан воды
Большой букет сдержать не может.

Е. ТРУТНЕВА

Морские светлячки

Мы плыли морем под парусами. Ночью я поднялся на палубу. Наш корабль стоял, было совсем тихо, и куда ни посмотришь — ни звезды, ни огонька: чёрная, густая темнота кругом. Вдруг что-то вдали засветилось бледным сиянием. Потом сияние стало ближе, ярче. Казалось, что море там горит голубым огнём. Я спросил капитана: — Что это?

— Это ветер идёт. — ответил капитан.

И верно: скоро потянул едва заметный ветерок. Потом ветерок стал сильнее, и ещё ближе подступило сияние. Вдруг море

зашумело, покатились волны с белыми гребнями, и вся вода кругом загорелась чудесным голубым светом.

Капитан объяснил мне, что в тёплых морях несметными стаями плавают крошечные живые светлячки. Когда море спокойно, они гаснут. Взволнуется море — засветятся, загорятся.

Ветер надул паруса. Наш корабль помчался, как на крыльях. А волны кругом блистали сказочным светом, и за кормой бежал широкий огненный след.

Как я пароход потерял

Я приехал в северный город Мурманск. Дальше мой путь лежал морем.

В порту мне показали пароход, на котором я должен был плыть. Он стоял, прижавшись у гранитной стенки, и на палубу пришлось спускаться по лестнице.

Я поговорил с капитаном, взял ключ от каюты и поехал в город за вещами.

Приезжаю — нет моего парохода! Стоит какой-то, только уж очень высокий, и сверху, с палубы, спущена на берег лестница.

Вдруг, гляжу, идёт капитан.

— Слушайте, — закричал я, — где же наш пароход?

— Да вот он. Или не узнали? — сказал капитан и стал подниматься по лестнице.

— Как же так, — говорю я: — то был низенький, а теперь высокий?

— А это прилив нас поднял, — сказал капитан. — Вы разве не знаете?

Я, конечно, знал, что вода в океане поднимается и опускается два раза в сутки. Но своими глазами я тогда увидел это в первый раз. И пока мы стояли в порту, всё как-то было странно: то прямо с палубы можно шагать на берег, то нужно карабкаться вверх по лестнице, то вниз спускаться.

А. НЕКРАСОВ

Весёлая тайга

Ходили мы за ягодой
В соседние леса —
И шум деревьев слышали
И птичьи голоса.

Звенят, перекликаются
Синицы и дрозды,
Овсянки и малиновки
Поют на все лады.

Одна ещё не кончила,
Другая, подхватив,
Как серебро, рассыпала
Особый свой мотив.

Заворковала горlinkа,
Забормотал удод,
И вся тайга весёлая
Щебечет и поёт.

Недаром мы подумали,
Когда пришли назад,
Что вся природа летняя
Похожа на детсад.

Про дятла

Дятлу есть в лесу работа:
Заглушая птичий свист,
Он выстукивает что-то,
Как лихой телеграфист;
Ставит точки и тире
На берёзовой коре.

Бухало

Стоит в траве над озером,
Выслеживая рыб,
Большая птица — бухало,
Смешная птица — выпь.

Стоит она в молчании
У приозёрных вод
И вдруг с тоски заушает,
По-бычьему заревёт.

Заголосит отчаянно,
Пугая перед сном
Ребят, что возле озера
Пасут коней в ночном.

Н. А. НЕКРАСОВ

Рис. М. РОДИОНОВА

Ж Н И Ц Ы

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит.
Жжёт оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжёт,

Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдаёт.
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, жёлтые круги
Перед очами стоят.

ПАХАРЬ

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лес спускается;
Лес стоит под шапкой тёмною,
В золотом огне купается.

На бугре трава зелёная
Спит, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана
Да камнями унизана.

Не слышать-то в поле голоса,
Молча ворон на меже сидит,
Только слышен голос пахаря, —
За сохой он на коня кричит.

С ранней зорьки пашня чёрная
Бороздами подымается,
Конь идёт — понурил голову,
Мужичок идёт — шатается...

Уж когда же ты, кормилец наш,
Возьмёшь верх над долей горькою?

Из земли ты роешь золото,
Сам-то сыт сухой коркою!

Зреет рожь — тебе заботушка:
Как бы градом не побилася,
Без дождей в жары не высохла,
От дождей не положилася.

Хлеб поспел — тебе кручинушка:
Убирать ты не справишься,
На корню-то он осыплется,
Без куска-то ты останешься.

Урожай — купцы спесивятся;
Год плохой — в семье все мучатся —
Всё твой двор не поправляется,
Детки грамоте не учатся.

Где же клад твой заколдованный,
Где талант твой, пахарь, спрятался?
На труды твои да на горе
Вдоволь вчуже я наплакался!

Вы прочли стихотворения Некрасова и Никитина о тяжёлой доле крестьян в России до Октябрьской революции. Безотраднa и горька была эта доля, и грустные стихи писали поэты.

А вот на этих страницах вы сразу увидели знакомые нам колхозные поля: огромный комбайн — сложная машина, заменяющая работу десятков людей, — идёт по необъятному полю, шумят могучие хлеба, звенят спелым колосом. Богатый урожай соберут колхозники!

Вдали, за полями, раскинулась колхозная деревня. Среди зелени садов стоят новые, чистые дома колхозников. За садами, ближе к полю и лугам, вытянулись скотные дворы, а рядом поднялась силосная башня: в ней хранится сытный корм для скота на зиму. А там и ветряной двигатель шумит лопастями; крутится ветряк, приводит в движение насос, а насос качает воду и в дома и на огороды. Заставили и ветер работать на людей!

Рис. В. ТАМБИ

Другая жизнь у наших советских людей! Свободно и счастливо живут люди в городах и сёлах.

Оттого и работа спорится, оттого и стараются люди работать всё лучше и лучше, чтобы с каждым годом расцветала наша великая страна.

Соберут колхозы огромный урожай, рабочие построят новые машины, придумают инженеры новые станки, двигатели, вырастут новые го-

рода, заводы, электростанции, откроются новые школы, детские сады — и ещё лучше будут жить советские люди.

Другая жизнь у нас, и песни другие поёт народ — песни о счастье и радости жить и работать в самой свободной на свете стране. И плывут эти песни над городами и над морями, плывут эти песни над бескрайними колхозными полями, где гудят тракторы, где снимают богатый колхозный урожай умные машины — комбайны.

КОЛХОЗНАЯ ЖАТВА

Из поэмы „Флаг над сельсоветом“

Нива в поте и работе
славит жаркую страду:
тут и косят, и молотят,
тут и грузят
на ходу.

Тесно кажется на воле:
вся Дубровка вышла в поле!

Бросил счёты счетовод,
бросил улы пчеловод,
встали
конюх и доярка
рядовыми у подвод.

Ксения с Зиной —
на скирдовке,
две свинарки
у тюков,
пионеры — по сноровке —
у суслонов,
у сгребков,
и с жгутами у мешков,
и за сбором колосков.

И над всеми верховодит,
всех до дела производит
сам Андрей Ильич Дубков.

— Федя! Руки не ослабли?
— Нет. А что?
— Бери-ка грабли.
Подсоби-ка тете Зине.

— Это дело не беда.

— Ну, а что у вас в корзине?

— Колоски.

— Ссыпай сюда!

Рядом мальчика увидел.

Тот, с наполненным мешком,
давит слёзы кулаком.

— Что ты плачешь? Кто обидел?

— Колковато босиком!..

— Ты ж в работе всем соперник.

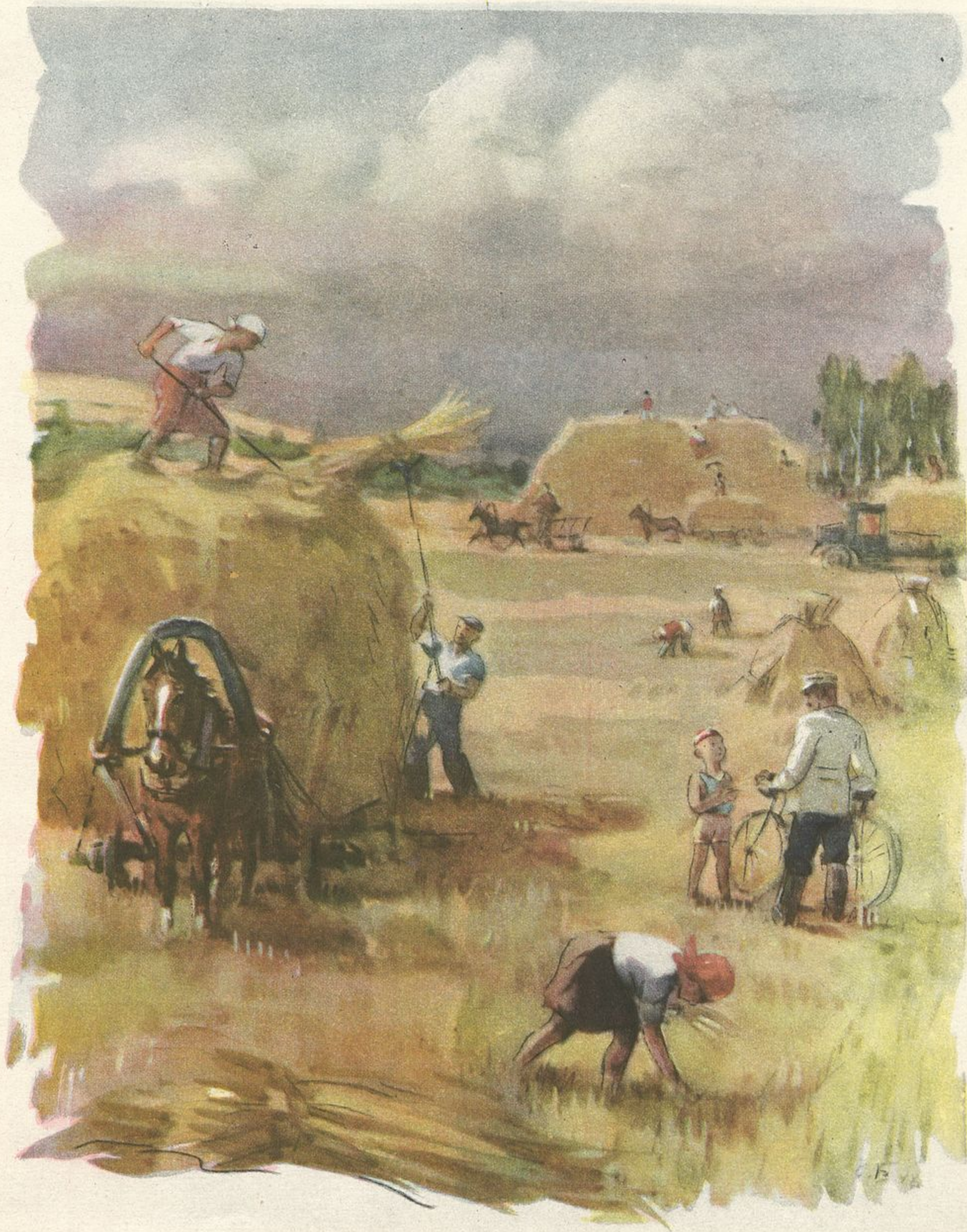
Для тебя, имей в виду,
Николай Михалыч Шверник
за труды найдёт звезду.

Ну-ка в поле и не хнычь!..

— Хорошо, Андрей Ильич...

Сколько шума-перезвона,
сколько знойной тишины
от загона
до загона,
от копны
и до копны!

Вестовым колхозной пашни,
витязем
земной молвы
встань, родная рожь, у башни,
у высокой Спасской башни,
вровень
с временем
Москвы!

ТУНДРА

За высоким Уральским хребтом, за великой сибирской тайгой, на крайнем севере нашей страны, у самого Ледовитого океана, на многие тысячи километров раскинулась холодная, голая, безлесная тундра.

Впадая в Северный океан, могучие реки пересекают обширную тундру. Множество извилистых маленьких рек, голубых зеркальных озёр, голых пустынных холмов, ручьёв и протоков, заросших осокой, разбросано в широких безлюдных пространствах.

Летом над тундрой сияет незаходящее солнце, днём и ночью льётся с неба обильный свет. Разнообразной растительностью — мхами, травой, низким мелким кустарником — одевается бескрайняя тундра. Отражаясь в реках и озёрах, во всех направлениях пролетают над нею бесчисленные птицы.

Долгая полярная ночь спускается зимою, солнце тогда совсем не показывается. В зимнее, холодное время часто бушует злая пурга, крепкие держатся морозы. В тихие зимние дни, освещая снега, ярко полыхает над тундрой, радугой переливается в ночном звёздном небе северное сияние.

В холодной далёкой тундре летом и зимою продолжается жизнь. Вместе с походными чумами — с семьями и жилищами — кочуют охотники-оленьеводы. Множество домашних и диких оленей пасётся в тундре. В снежных просторах скитаются волки, бродят белые полярные лисицы — песцы. Под глубоким снегом скрываются бесхвостые мыши-пеструшки.

В тундре нет больших проезжих дорог, нет обычных нахоженных, торных тропинок. Зимою и летом люди путешествуют на оленях, запрягают в лёгкие нарты собак. Положив на спины тяжёлые ветвистые рога, быстро бегут легконогие послушные олени.

Только опытные местные жители, охот-

ники и оленеводы, безошибочно находят в тундре дорогу. Жителей севера не страшит зимняя непроглядная вьюга, не пугают большие, тысячевёрстные расстояния.

Много охотничьих чумов, больших оленеводческих колхозов, новых многолюдных посёлков раскидано в просторной холодной тундре. Летом и зимою с места на место, с пастбища на пастбище кочуют с оленями колхозники-оленьеводы. Спасаясь от комаров, стада домашних и диких оленей уходят на север, к далёкому Ледовитому океану. Там, на нетронутых и привольных пастбищах, в широких просторах, олени набираются свежих сил после тяжёлой и долгой зимовки.

В светлое летнее время начинается в тундре многообразная шумная жизнь. Ранней весной миллионы птиц прилетают гнездиться на свою далёкую родину. Голосами бесчисленных птиц звенит в летние месяцы тундра, пробудившаяся от долгого зимнего сна. Первыми прилетают на север весёлые певчие птички — пуночки, возвращаются белые куропатки — тундрянки. Стройными косяками тянут гуси, проносятся табунки уток, гагар. На берегах рек и озёр большими колониями собираются чайки, бегают по отмелям длинноносые кулики.

Неопытному путешественнику легко заблудиться в тундре. Идешь, идешь бывало, а вокруг как будто ничто не изменяется. Попрежнему уходят в даль разнообразные пологие холмы, высокое небо отражается в бесчисленных озёрах. С треском срываются, бегут под ногами непуганные куропатки; высматривая добычу, кружатся над головой и жалобно стонут чайки. Изредка промашет крыльями белая сова да покажется на горизонте чуткое стадо диких оленей. Прячась в низинах, следом за оленями, осторожно пробирается разбойник-волк, и ещё долго-долго смотрит охотник вслед хитрому зверю...

Зимою и летом безбрежна и однообразна тундра. Будто бородавками покрыта бедная

почва, насквозь пропитанная водою. Крошечная берёзка изредка стелется по земле. Ствол изогнутой ивы зарылся в мох, и наверху видишь только листочки величиною с крылышко мухи. Летом в тундре много цветов. Как бы одетые в мохнатые шубки, стебли растений жмутся друг к другу. Эти растения здесь приспособились к холоду — к суровой полярной зиме, к короткому северному лету.

Многое теперь изменилось на далёком севере нашей страны. Там, где паслись только олени и стояли одинокие чумы охотников, движется новая жизнь. На берегу

океана, в устьях больших судоходных рек возникли большие, многолюдные города. По всем направлениям летают над тундрой самолёты.

Там, где когда-то обманывали и лечили простых неграмотных людей шаманы-колдуны, выстроены хорошие школы, большие новые больницы. В посёлках оленеводов звучит радио. Дети северных охотников читают книги и журналы, знают и ежедневно слушают свою далёкую, но родную и близкую сердцу, советскую столицу — Москву.

З А Г А Д К И

1

Живёте
В болоте
И песни поёте,
Умеете плавать, нырять глубоко.
По кочкам мохматым
Помчались куда-то,
Подпрыгнули, ловкие, как акробаты,
В зелёном и гладком пятнистом трико.

2

Шапка набекрень,
Спрятался за пень.
Кто проходит близко,
Кланяется низко.

3

На дорожку
Вышли рожки.
— Вы не будете бодать?.. —
Я потрогал их немножко —
Рожки спрятались опять.
Круглый домик...
Может, гномик
В этом домике живёт?
Он волшебный,
Этот домик:
По дорожке
Сам ползёт.

Н. Артюхова

ЛИСИЦЫН СУД

Народная сказка

Было это давным-давно — в те самые времена, когда звери умели говорить, да и деревья иной раз вставляли словечко.

Шёл крестьянин по лесу и видит: упало большое дерево и толстой веткой змею к земле придавило. Бьётся змея, корчится, а выбраться на свободу никак не может. Заметила она крестьянина и говорит ему:

— Пожалей меня, помоги на волю выбраться! Я тебя за это поблагодарю.

Пожалел крестьянин змею, поднял ветку. А змея была ядовитая. Как только освободилась, сразу шмыг — прямо ему на плечи, обвилась вокруг шеи и шипит:

— Сейчас я тебя укушу!

Вот она, змеиня благодарность-то!

Крестьянин говорит:

— Как же тебе не стыдно, ядовитая: я тебя от смерти спас, а ты меня хочешь погубить!

А змея всё своё: укушу и укушу!

— Нет, — говорит крестьянин, — так не годится. Пойдём-ка мы с тобой к судье. Пусть он нас рассудит. Кого первого встретим, тому судьёй и быть.

Змея согласилась. Пошли они по лесу, и встретились им — кто бы вы думали? — рыжая лиса.

Рассказали они ей всё дело.

— Будь, лиса, у нас судьёй, — говорит крестьянин. — Только уговор: суди по чести, по совести.

— Ладно, — отвечает лиса. — Буду я у вас судьёй. Только я так судить не могу — мне сначала поглядеть надо, как дело было. Пойдём к тому месту, где спор у вас начался. Там я вас и рассужу.

Пришли они на старое место. А судья-лиса и говорит:

— Теперь станьте по местам — где кто был, когда у вас спор начался.

Крестьянин приподнял ветку, змея скользнула на прежнее место, а он сразу опять ветку отпустил. Змею снова и придавило.

— Ну, а теперь, — говорит лиса, — выбирайся, ядовитая, на свободу, как хочешь. Вот тебе и приговор!

Не знаю, как змея, а крестьянин доволен остался.

— Спасибо, — говорит, — судья-лиса, что судила по чести, по совести!

А лиса отвечает:

— Нет, одного спасибо мало. Мне с тебя за труды мешок добра приходится.

Удивился крестьянин:

— Такого уговору у нас не было.

А лиса всё своё: давай да давай!

«Вот ты какая, — думает крестьянин, — совесть-то у тебя, выходит, продажная! Ну, погоди, проучу я тебя».

— Ладно, — говорит, — пойдём ко мне, дам я тебе мешок добра.

Пришёл он к себе домой, спрятал в ме-

шок своих собак, завязал его хорошенько и вынес лисе.

А лиса рада — мешок-то тяжёлый. «Вот, — думает лиса, — расщедрился крестьянин!»

Несёт она мешок домой, да любопытство её разбирает: что там за добро такое?

Присела она на дороге, развязала мешок,

а оттуда собаки как выскочат да как начнут её трепать! Трепали, трепали — всю шкуру на ней изорвали, насили лиса вырвалась.

Прибежала лиса домой, сидит, шкуру свою зализывает, а сама говорит:

— И дедушка мой судьёй не был, и отец мой судьёй не был, так зачем же меня нелёгкая в судьи понесла?

Пересказал Б. Вест.

ЛОСКУТНОЕ ГНЁЗДЫШКО

Нигде мы не видали так много ласточек, как в усадьбе заповедника «Беловежская пуща». Все карнизы домов, амбаров, сараев были залеплены их глиняными гнёздышками.

Каждое утро нас будило их весёлое щебетанье. Мы открывали окно и подолгу любовались этими красивыми быстрыми птичками. Они стремительно носились над деревьями, будто скользя по гладкой синеве утреннего неба.

Ласточки носились в воздухе, на лету хватили своим широким ртом мошек. Потом то одна, то другая из птичек подлетала к своему гнёздышку и кормила птенцов. Птенцы высовывали из гнезда головки и жадно открывали рты. Птички совали еду в рот одного из птенцов и опять улетали за кормом. Только в сильный дождь ласточки не летали, а сидели, забившись в гнёздах или возле них под крышей.

Однажды ещё с утра было как-то особенно томительно-душно. Людмила Константиновна, жена директора заповедника, сказала, что, наверное, будет буря. И действительно, большая тёмная туча поднялась из-за реки и медленно поползла по небу. Всё кругом стало серым, хмурым, и сразу откуда-то налетел ветер. Затрепыхались в воздухе ветки берёз, полетела пыль, листья, ослепительно вспыхнула молния, и будто всё небо раскололось от страшного удара. Как из ведра, хлынул дождь, а сильные порывы ветра срывали водяные потоки и, разбивая в пыль, несли по воздуху.

Вдруг мы услышали громкие, тревожные крики ласточек. Две ласточки беспокойно летали около самого нашего окна.

Мы выглянули в окно и увидели, что на земле, в грязи валялось разбитое ласточкино гнёздышко, а рядом с ним лежали пять голых, слепых птенчиков. Наверно, гнездо сбило сильным порывом ветра и оно упало.

Птенцов заливало водой. Они открывали рты и жалобно пищали, а их родители с криком носились над ними и не знали, чем помочь.

Мы взяли птенчиков и принесли в дом. Они были совсем мокрые и холодные. Людмила Константиновна завернула их в вату и обсушила. Птенчики успокоились и уснули.

Буря кончилась так же неожиданно, как и началась. Опять выглянуло солнце и ослепительно-ярко заблестели трава, листья деревьев, а весёлые ручейки, журча, бежали по дорожкам сада.

Было как-то особенно хорошо. Пахло вымытой зеленью, свежестью, весело чирикали какие-то пичужки, а ласточки всё ещё летали у разбитого гнезда и всё искали своих детей.

Нам было очень жалко птичек, и мы с Людмилой Константиновной долго думали, чем бы им помочь, как вернуть обратно ласточкам их птенчиков.

— А что, если сложить гнёздышко в лоскутик и прибить на старое место? — предложила Людмила Константиновна.

Она принесла кусок серой материи, положила в него мягкую подстилку из упавшего гнезда, прибила вроде кармашка на старое место и посадила в лоскутное гнёздышко птенцов.

Они сразу стали высовывать головы и просить еды. Сначала ласточки боялись подлетать близко — их пугал странный вид обтянутого лоскутом гнезда. Но постепенно ласточки осмелели. Весь день они кормили птенцов, а когда наступил вечер, они и сами залезли в лоскутное гнёздышко.

Наутро мы первым делом пошли проверять гнёздышко. И что же мы увидели: вся передняя часть лоскутного гнезда была аккуратно залеплена глиной. Значит, ещё рано, на зорьке, маленькие крылатые строители постарались по своему вкусу сделать облицовку своего нового дома.

В этом гнезде ласточки прожили всё лето.

Но вот наступила осень.

Птенцы наших ласточек стали совсем большие. Они уже хорошо летали, сами ловили мошек, а когда наступила пора, вместе со своими родителями улетели на юг.

А. ОЛЕНИЧ-ГНЕНЕНКО

Рис. Е. РАЧЁВА

КОЗЛЁНОК

Уходит дикая коза
Пастись в дубовые леса,
Как быть? Козлёнок мал,
И с ней ему нельзя идти:
Лисица встретит на пути,
И он тогда пропал.

И говорит козлёнку мать:
— Ты должен тихо здесь дремать,
Запрятавшись в траву.
Лисиц не бойся и котов.
Ответить свистом будь готов,
Когда я позову.

Козлёнок маленький пятнист,
И пятна ржавые — как лист,
Упавший с ветки вниз.
Козлёнок так на землю лёг,
Чтоб отыскать его не мог
Ни волк, ни хитрый лис.

Поджал он ножки под живот
И шею вытянул вперёд,
Раскинул уши врозь.
Приник козлёнок не дыша.
Но вот шаги: травой шурша,
Крадётся страшный гость.

Ворчанье слышится: — Ты здесь?
Ответь! Хочу я есть! —
Едва удерживая дрожь,
Лежит козлёнок, глух и нем.
А гость рычит: — Тебя я съем!
Нет, врешь! Ты не уйдёшь!

Напрасно бродит зверь вокруг:
Застыл козлёнок, нем и глух,
Как мёртвый, не дыша.
И душит зверя гнев и злость,
И прочь идёт незванный гость,
Сухой травой шурша.

Ответы на загадки, помещенные в № 3

Кто такой? — Муравей.
Ероша-плясун — веник.

Без чего не испечь хлеба? — Без корки.
Какой мост без людей строится? — Ледяной.

Ответы на загадки, помещенные в № 5

Басни Крылова: «Стрекоза и Муравей», «Слон и Моська», «Кот и

Повар», «Мартышка и очки», «Волк и Журавль», «Ворона и Лисица».

Первыми правильные ответы на загадки в №№ 3 и 5 прислали: Пименов Владимир (г. Тула), Головкова Таня (г. Краснодар), Дюков Вова

(г. Зарайск), Челканцев Геня (г. Таллин), Шестипёрова Алла (г. Чита), Медведев Женя (село Нурма, Марийская АССР).

Учись вышивать!

Н 440 4

Переведи этот рисунок на бумагу, раскрась сперва бабочку красками, как здесь показано. Потом карандашом нарисуй точки, проткни их иголкой, в ко-

торую вдень чёрную нитку с узелком на конце, и вышивай прямо по бумаге. Для этого рисунка нужны только чёрные нитки.

Художник А. ПОРЕТ

Рисунок на обложке А. ЕРМОЛАЕВА

Редакция: А. БАРТО, О. БЕДАРЕВ (редактор), А. ЕРМОЛАЕВ, Л. ИЛЬИНА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, С. МИХАЛКОВ, Л. ПАНТЕЛЕЕВ
Рукописи не возвращаются

Техн. редактор А. ГУБЕР

Год издания двадцать пятый

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сушеская ул., 21. Тел. Д-3-20-90, доб. 1 06
2,8 уч.-изд. л., 33 000 зн. в печ. л.

Подписано к печати 20/VIII 1948 г. А06334.
Тираж 105 000 экз.

Заказ 1382.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сушеская, 21.

5 ОКТ. 1948